

A cinematic photograph of a man and a young girl in a cluttered, lived-in room. The man, on the left, is shown in profile, looking out a large window. He has a beard and is wearing a blue button-down shirt. The girl, on the right, is also looking out the window. She has long, curly hair and is wearing a dark t-shirt under a plaid dress. The room is filled with various objects, including a desk with papers and a sewing machine, and a radiator. The window looks out onto a snowy, wooded area. The overall mood is contemplative and somber.

Альтер М.

Немой свидетель

Альтер М. Немой свидетель

<https://litres.ru/74200364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Логопед Егор Травин работает с девочкой, потерявшей речь после травмы. Она общается карточками, но однажды выкладывает координаты его старой квартиры. Там героя ждёт видеозапись преступления, которого он не помнит. Пытаясь узнать правду, он погружается в лабиринт собственного прошлого, где сталкивается с тёмным наследием отца и безжалостной тайной, хранимой немой свидетелем. Психологический триллер о вине, искуплении и разрушительной силе забытых воспоминаний.

Содержание

Глава 1. Тишина говорит	4
Глава 2. Вода и пепел	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альтер М.

Немой свидетель

Глава 1. Тишина говорит

Дождь в тот день начался как-то сразу, без предупредительной мороси, обрушившись на город серой стеной воды. Он барабанил по широкому подоконнику кабинета, превращая панорамное окно в размытый холст, на котором расплывались огни светофоров и фар. В такие дни время в кабинете текло иначе — гуще, медленнее, словно сама атмосфера вытягивала из пространства все резкие звуки, оставляя лишь этот монотонный, убаюкивающий ритм.

Егор Андреевич Травин не любил дождь. Он не говорил об этом никому, но каждый раз, когда небо затягивало свинцом, в глубине его грудной клетки, где-то под сердцем, начинало ныть тупое, иррациональное беспокойство. Оно не имело названия и причины, оно просто было — как старая, затянувшаяся мозоль на памяти. Возможно, виной тому была его бывшая профессия, а может, что-то из детства, что он давно и старательно вытравил из сознания. Сейчас, в тридцать восемь лет, он предпочитал считать это метеозависимостью.

Кабинет был его крепостью, его стерильной гаванью. Егор

Андреевич создавал его с особой, почти маниакальной тщательностью, понимая, что пространство лечит или калечит не хуже слов. Теплый, приглушенный свет от торшера с матовым абажуром падал на кремовые стены, вдоль которых тянулись стеллажи из светлого дерева. Книги, методические пособия, пластиковые контейнеры с карточками, муляжи артикуляционного аппарата, забавные игрушки-говорушки — всё дышало спокойным порядком. На столе, помимо ноутбука и кипы бумаг, стояла его гордость — старый, доставшийся от наставницы диктофон «Маяк», который он никогда не включал, но использовал как пресс-папье и символ профессии. Только вот в углу, на специальной тумбе, стоял странный для такого места прибор — портативный сейсмограф. О его назначении не знала даже администратор поликлиники; все считали это дорогой причудой. Сейсмограф тихо, едва слышно жужжал, выводя на рулоне термобумаги идеально ровную линию. Город спал, земля была спокойна.

Он взглянул на часы. Девочка опаздывала уже на десять минут. Алиса. Это имя всегда отзывалось в нем странным эхом. За два месяца работы с ней он так и не смог привыкнуть к этой тишине, которая окружала ребенка плотным коконом. Ей было восемь лет. Хрупкая, словно фарфоровая кукла, с огромными, не по-детски серьезными серыми глазами и пепельными волосами, заплетенными в две тугие косы. Алиса не говорила. Не просто не хотела — не могла. Полная потеря экспрессивной речи вследствие острой психогенной

травмы. Так было написано в ее медицинской карте, пересланной из Института мозга, где девочка провела почти полгода.

Травма. Егор Андреевич ненавидел это слово. Оно было плоским, безликим, клиническим ярлыком, за которым скрывалась бездна. Потеря речи была лишь вершиной айсберга. Алиса не плакала, не смеялась, не издавала вообще ни звука. Даже когда она случайно спотыкалась о порог или роняла стул, с ее губ не слетало ни вздоха, ни вскрика. Тишина. Абсолютная, пугающая тишина, которую нарушал только шорох ее шагов да шелест карточек.

Егор Андреевич встал из-за стола и подошел к окну. Потoki воды искажали перспективу, мир за стеклом казался вывернутым наизнанку. Он сунул руки в карманы брюк и нащупал там маленькую деревянную фигурку — человечка с двигающимися руками и ногами. Талисман. Когда-то давно, в прошлой жизни, он нашел его на месте одного из своих расследований и оставил себе на память. Сейчас он машинально крутил крошечные суставы, разминая пальцы. Логопедический массаж требовал силы и чуткости одновременно. Руки — его главный инструмент.

За дверью слышались шаги, приглушенный ковровой дорожкой голос Вероники Павловны, матери Алисы, и тихое шарканье детских ног. Егор Андреевич выпрямился, одернул рукава безупречно отглаженной рубашки и поправил очки в тонкой металлической оправе. Он должен излучать спо-

койствие. Уверенность. Даже если внутри плещется беспричинная тревога.

Дверь открылась почти беззвучно. Сначала вошла мать — высокая, изможденная женщина с застывшей маской скорби на лице. Под глазами, несмотря на слой тонального крема, проступали темные круги. Она придерживала дочь за плечи, словно боясь, что та может рассыпаться. Алиса вошла следом. Молча. Она смотрела не на Егора Андреевича, а сквозь него, или куда-то в точку за его плечом. Взгляд был расфокусирован, но Егор Андреевич знал: девочка видит всё. Больше, чем кто-либо может себе представить.

— Здравствуйте, Егор Андреевич, — голос Вероники Павловны звучал глухо и обреченно. — Извините за опоздание. Пробки. Этот дождь...

— Ничего страшного, — мягко ответил он, беря себя в руки и привычно входя в роль. — Здравствуй, Алиса. Проходи.

Алиса не ответила и не кивнула. Она просто выскользнула из-под материнской руки и мелкими, почти бесшумными шагами направилась к своему месту — низкому столику с двумя маленькими креслами, обитыми мягким велюром. Там уже лежала ее коробка. Обычная обувная коробка из-под дорогих итальянских туфель, которую мать оклеила разноцветной бумагой, пытаясь сделать ее похожей на детскую сокровищницу. Внутри, аккуратными стопками, хранились карточки. Система общения с помощью обмена изображени-

ями, адаптированная лично Егором Андреевичем под Алису. Там были не только стандартные пиктограммы «еда», «вода», «туалет», «боль», но и сотни других, более сложных понятий. Эмоции. Действия. Абстрактные символы. Травин сам рисовал некоторые из них долгими вечерами, пытаясь найти ключ к этому замкнутому миру.

— Как прошла неделя? — спросил он Веронику Павловну, не сводя глаз с девочки, которая села в кресло, сложив руки на коленях.

— Без изменений, — вздохнула женщина, ломая пальцы. — Молчит. Иногда мне кажется, что она вообще меня не слышит. Я говорю с ней, а в ответ — ничего. Даже головой не кивнет. Ест мало, спит плохо. И эти ее... игры с карточками.

— Что за игры?

— Она выкладывает их, — мать нахмурилась, подбирая слова. — Не как обычно. Не «дай» или «хочу». А просто так. Длинными рядами. На полу в своей комнате, на кухне. Иногда ночью. Я захожу, а она сидит на полу в темноте и раскладывает свои карточки одну за другой. Меня это пугает.

Егор Андреевич почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику. Он подавил его усилием воли.

— Это может быть формой самотерапии, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Структурирование хаоса. Создание контролируемой среды. В ее состоянии это логично.

— Вы думаете? — в глазах Вероники Павловны мелькну-

ла надежда. — Может, она начинает... возвращаться?

— Не будем торопиться, — он мягко проводил ее к выходу. — Подождите в холле. Или сходите в кафетерий на первом этаже. Час у нас есть.

Когда дверь за матерью закрылась, в кабинете воцарилась та особая, плотная тишина, которая всегда возникала между ним и Алисой. Слышно было, как дождь хлещет по стеклу, да тихо жужжит самописец сейсмографа. Егор Андреевич подошел к столу и сел напротив девочки. Он не нависал над ней, стараясь быть на одном уровне, локоть к локтю.

— Ну что, Алиса, — сказал он негромко, глядя не в глаза, а на коробку. — Покажешь мне что-нибудь сегодня?

Он использовал эту формулу каждый раз. «Покажешь мне». Не «расскажешь», не «скажешь». Это был их договор.

Алиса медленно, словно преодолевая сопротивление воды, подняла руку. Тонкие, почти прозрачные пальцы коснулись крышки коробки. Она открыла ее. Внутри, в строгом порядке, белели прямоугольники плотной бумаги. Карточки. Алиса погрузила в них руку и начала перебирать, словно слепая, читающая шрифт Брайля. Ее движения были плавными, завораживающими. Егор Андреевич замер. Он знал, что любое резкое движение или звук могут спугнуть этот хрупкий процесс.

Обычно Алиса выбирала карточки быстро и целенаправленно. «Вода». «Пить». Она использовала их утилитарно, как инструмент, без лишних эмоций. Но сегодня что-то было

иначе. Она перебирала карточки долго, минуту, другую. Ее взгляд, до этого расфокусированный, стал неожиданно острым, цепким. Она доставала карточки и откладывала их в сторону, не выкладывая, а отбраковывая.

Наконец, она вытащила одну. Положила ее на середину стола. Егор Андреевич наклонился. Это была цифра «5». Они недавно ввели цифры для элементарной математики, которую он пытался использовать для развития когнитивных функций. Следом легла цифра «5». Две пятерки. Затем Алиса без колебаний выложила значок градуса — маленький кружок в верхнем регистре. Егор Андреевич удивленно приподнял бровь. Она редко пользовалась этим символом вне контекста температуры тела.

Дальше последовала карточка с апострофом, потом «0», потом «0». Затем — буква «С», обозначающая север, и буква «Ш», широта. Алиса выкладывала их слева направо, выстраивая идеально ровную линию.

55° 00' СШ

У Егора Андреевича пересохло во рту. Он смотрел на ряд карточек, и в его голове набатом застучала мысль. Этого не может быть. Это просто случайность. Игра. Как и говорила мать.

Но Алиса не остановилась. Она снова запустила руку в коробку. Теперь ее движения были быстрыми, уверенными, как у опытного телеграфиста. Она выхватывала нужные карточки, не глядя, почти на ощупь.

Следом за широтой легла карточка «3», потом «7», опять знак градуса, «0», «0» и буквы «ВД» — восточная долгота.

37° 00' ВД

Получилась строка:

55° 00' СШ 37° 00' ВД

Егор Андреевич перестал дышать. Он смотрел на карточки, разложенные на столе, и чувствовал, как волосы на голове начинают шевелиться. Это не было случайностью. Это были координаты. Идиотский, невозможный, абсурдный набор знаков, сложенный восьмилетней девочкой, которая не произнесла ни слова за два года. Откуда? Как? Он сам учил ее этим символам! В рамках познания мира. Карточка «глобус», карточка «карта». Он показывал ей, как устроена система навигации. Но никогда, никогда они не выходили за рамки абстрактных понятий.

Алиса подняла на него глаза. Впервые за долгое время их взгляды встретились, и Егор Андреевич вздрогнул. В этих серых глазах не было детского торжества или ожидания похвалы. Там было что-то другое. Нечто древнее, понимающее и совершенно невыносимое. словно бездна сама заглянула в него, оценивая, выдерживая паузу. Девочка не просто играла. Она передавала сообщение. Она говорила с ним на единственном доступном им обоим языке — языке символов. И говорила она о месте.

Он открыл рот, чтобы спросить, но понял, что горло пе-

рехвачено спазмом. Пришлось прокашляться.

— Алиса, — голос прозвучал хрипло и чуждо. — Что это? Откуда ты это знаешь?

Девочка не ответила. Она опустила взгляд и принялась методично собирать карточки обратно в коробку, нарушая установленный ранее порядок. Ее миссия была выполнена. Аудиенция окончена. Она снова стала той самой отрешенной куклой, которая вошла в кабинет полчаса назад. Но прежней тишина уже не была. Она звенела от произнесенных без единого звука слов.

Весь остаток сеанса Егор Андреевич провел как в тумане. Он пытался делать артикуляционную гимнастику, показывал ей картинки, но мысли его были далеко. Перед глазами стояли аккуратные, выведенные на белой бумаге символы. 55° 00' СШ 37° 00' ВД. Где это? Он не знал, но собирался выяснить, как только за девочкой закроется дверь.

Наконец, час истек. Вероника Павловна, заметно осунувшаяся после короткого отдыха, забрала дочь. Алиса ушла не оглянувшись, сжимая в руках свою драгоценную коробку. Проходя мимо сейсмографа, она на секунду замедлила шаг. Егору Андреевичу показалось, что перо на термобумаге дернулось, начертив крошечный зигзаг, но тут же выровнялось. Он списал это на галлюцинацию, рожденную напряжением.

Когда шаги в коридоре стихли, он бросился к ноутбуку. Пальцы дрожали, попадая мимо клавиш. Он открыл браузер, вбил координаты в поисковую строку картографическо-

го сервиса. Программа на мгновение задумалась, завертела виртуальный глобус, приближая спутниковый снимок.

Мир сузился до размеров экрана. Сначала была видна планета, потом континент, потом страна. Россия. Московская область. Сердце пропустило удар. Карта сместилась южнее Москвы. Зеленая заплатка лесного массива, извилистая лента реки, россыпь дачных поселков. И точка. Серый маркер упал точно на прямоугольник частной застройки на окраине небольшого городка, названия которого он никогда не слышал.

Тихая Речка. Улица Сосновая.

Он откинулся в кресле, чувствуя ледяной холод, разливающийся по венам. Этого не могло быть. Этого просто не могло быть, потому что он знал это место. Он не был там много лет, но адрес, улица Сосновая, тихий пригородный поселок Тихая Речка, врезались в его память намертво. Там прошли несколько лет его жизни. Там он жил до всего. До смены профессии, до переезда в Москву, до того, как его жизнь треснула и развалилась на «до» и «после». Там была квартира, которую он снимал, когда служил в местном уголовном розыске. Его старая квартира.

Кабинет поплыл перед глазами. Звук дождя превратился в белый шум. Алиса, немая девочка, которую он учил говорить, указала ему на его собственное прошлое. И это не было совпадением. Такие вещи не происходят случайно. Это — приглашение. Или вызов.

Он просидел в оцепенении, наверное, полчаса. Потом резко встал, схватил пиджак, ключи от машины. Он не знал, что будет делать, когда придет. Но он знал, что должен ехать. Прямо сейчас. Немедленно. Эта мысль пульсировала в висках, заглушая все разумные доводы. Ехать.

Дорога заняла почти два часа. Дождь, не переставая, хлестал по лобовому стеклу, дворники не справлялись с потоками воды. Егор Андреевич вел машину на автопилоте, не замечая ни светофоров, ни других автомобилей. В голове крутился один и тот же вопрос: «Почему?». Какая связь между травмой Алисы и его прошлым? Откуда у нее эти координаты? Высшие силы? Случайность, спроецированная на его паранойю? Или кто-то методично сводит его с ума?

Тихая Речка встретила его запахом мокрой хвои и какой-то безысходной, провинциальной тоской. За прошедшие годы здесь мало что изменилось. Те же покосившиеся заборы, те же старые липы вдоль разбитой дороги. Он медленно проехал по главной улице, свернул на Сосновую. Сердце колотилось где-то у горла. Вот и его дом. Панельная пятиэтажка с облупившейся краской, утопающая в зарослях сирени. Его окна. На четвертом этаже.

Он припарковал машину и вышел под дождь. Холодные капли мгновенно пропитали пиджак, но он этого не чувствовал. Подъездная дверь была приоткрыта, замок, как и десять лет назад, был сломан. Егор Андреевич вошел в подъезд. Запах ударил в нос — сырость, кошачья моча, старые газеты.

Ничего не изменилось. Он начал подниматься по лестнице. Ступени знакомо скрипели под ногами. Каждый шаг давался с трудом, словно воздух сгустился до состояния желе.

Четвертый этаж. Лестничная площадка. Две квартиры. Его — сорок вторая. Он остановился перед дверью, обитой старым, местами порванным дерматином. На глазке висела паутина. Ключей у него, конечно, не было. Он сдал их квартирной хозяйке, древней старухе, которая, скорее всего, уже давно умерла. Но что-то было не так. Егор Андреевич присмотрелся к замку. Новый. Совсем новый, блестящий цилиндр, который контрастировал с убитой дверью. Кто-то сменил замок. И запер его... изнутри? Прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука. Тишина была такой же глубокой, как та, что окружала Алису.

Он прижался ухом к холодному металлу. Ничего. Абсолютный вакуум. Он отступил на шаг, оценивая ситуацию. В его голове боролись бывший оперуполномоченный уголовного розыска и нынешний логопед-дефектолог. Первый, движимый чутьем, советовал выломать дверь. Второй, рациональный и осторожный, твердил о незаконном проникновении и звонке в полицию. Но кому он позвонит? Что скажет? «Моя немая пациентка дала мне координаты моей старой квартиры, и я хочу проверить, что там внутри?» Его поднимут на смех, а потом отправят к психиатру. К его бывшим коллегам из ведомства, с которыми он расстался не на самой теплой ноте.

Пока он размышлял, взгляд его упал на щель между дверью и косяком. Что-то белело. Листок бумаги, зажатый так, чтобы его было видно снаружи. Егор Андреевич наклонился и осторожно, двумя пальцами, вытянул его. Это была сложенная вдвое записка. Он развернул ее.

Почерк был корявым, словно писал ребенок или человек, который с трудом контролирует моторику. Буквы прыгали, но слова складывались в предложение:

«ЗАХОДИ. ОНО ЖДЕТ ТЕБЯ ВНУТРИ. КЛЮЧ ПОД КОВРИКОМ».

Холод окончательно сковал внутренности. Тот, кто это писал, знал о нем. Знал, что он приедет. Его ждали. Инсценировка? Ловушка? Игра, затеянная кем-то, кто знает его прошлое? Но кто? И какое отношение к этому имеет Алиса?

Он на автомате отогнул угол старого, истоптанного придверного коврика. Под ним, в небольшом углублении в бетоне, лежал ключ. Обычный, плоский ключ с красной пластиковой головкой, какие выдают в мастерских по ремонту обуви. Егор Андреевич поднял его. Металл был холодным и скользким. Все доводы разума разбивались о стену животного, ледящего любопытства и страха, который подстегивал его изнутри.

«Оно ждет тебя внутри».

Он вставил ключ в замочную скважину. Механизм поддался с тихим, хорошо смазанным щелчком. Кто-то подготовился. Егор Андреевич надавил на ручку. Дверь, взвизгнув

несмазанными петлями, медленно открывалась, выпуская его в зияющую темноту коридора. Из квартиры пахло не затхлостью заброшенного жилья, а чем-то иным — химическим, искусственным запахом озона и пыли, как от долго работающей техники.

Он сделал шаг внутрь, нащупал выключатель на привычном месте. Свет не загорелся. Конечно. Электричество отключено. Тишина стояла гробовая. Только шум дождя на улице пробивался сюда приглушенным фоном.

В глубине коридора, там, где была жилая комната, он увидел слабое, пульсирующее голубое свечение. Оно отражалось на стенах, создавая причудливые, пляшущие тени. Мерцание экрана. Старый телевизор? Нет, монитор.

Ноги не слушались. Он заставлял себя идти, каждый шаг давался с усилием. Половицы скрипели под ногами предательски громко. Егор Андреевич миновал пустую кухню, дверь в ванную. А вот и комната. Он остановился на пороге.

Квартира была абсолютно пуста. Ни мебели, ни занавесок. Голые стены с выцветшими обоями в цветочек, которые он помнил. Посреди этой гулкой пустоты, прямо на полу, стоял старый видеоплеер с небольшим, семидюймовым откидным экраном. Он работал от портативного аккумулятора. Экран светился ровным синим светом, в лотке для кассет темнела видеокассета без опознавательных знаков. Под плеером лежал сложенный лист бумаги. И больше ничего.

Его ждали. Ждали, что он придет, найдет ключ, войдет,

увидит это. Кукольный театр, в котором он был единственным зрителем и главным действующим лицом. А Алиса? Она была кукловодом или такой же марионеткой? Мысль о девочке кольнула острой жалостью, смешанной с ужасом.

Дрожащей рукой он потянулся к листку, что лежал под плеером. Развернул. На этот раз текст был напечатан на принтере. Строчки, четкие, бездушные, били в самое сердце:

«ЕГОР, НЕ УХОДИ. ПОСМОТРИ. ВСПОМНИ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО. ДЕВОЧКА ЗНАЕТ. ДЕВОЧКА ПОМНИТ. ДЕВОЧКА МОЛЧИТ. НАЖМИ PLAY».

Внизу, под текстом, были те же символы, что выложила Алиса. Идеальный ряд из карточек, сфотографированный и вставленный в текст. Ее координаты. Ее подпись.

Страх ушел, уступив место какой-то звенящей, болезненной решимости. Это был уже не просто вызов. Это был приговор, который ему предлагали прочитать самому себе. Он опустил на карточки перед плеером. Его палец завис над кнопкой воспроизведения. Отступить было некуда. Если он уйдет сейчас, не узнав правды, эта неизвестность будет жечь его заживо.

Он нажал кнопку.

Механизм внутри плеера зажужжал, заглатывая пленку. Экран мигнул, и синий фон сменился черно-белым, зернистым изображением. Камера, явно любительская, снимала с рук, поэтому картинка дергалась. Ночной режим съемки. Зеленоватые тени, резкие контрасты.

Интерьер. Он узнал его не сразу. Потребовалось несколько секунд, чтобы сопоставить пустую комнату вокруг него с той, что была на экране, но с мебелью. Такие же обои в цветочек. Его старая квартира! Только на экране — много лет назад. В углу стоял диван, письменный стол, книжный шкаф. Его вещи. На столе — пачка сигарет, пепельница, початая бутылка коньяка.

Оператор прошел в глубь комнаты. В кадре появилась ванная. Дверь была приоткрыта. Камера наехала, фокусируясь. Из-за двери виднелась рука. Женская рука, безвольно свесившаяся через бортик ванны. На белой коже — темные потеки. На полу — лужа, которая в инфракрасном свете камеры казалась черной, как нефть. Вода в ванне была переполнена и тоже отливала чернотой.

Закадровый звук. Тяжелое, сдавленное дыхание оператора. А потом — голос. Голос, от которого у Егора Андреевича кровь застыла в жилах. Это был его собственный голос. Искаженный, но безусловно его. Пьяный, заплетающийся, полный ужаса и отчаяния.

— Я... я не хотел. Слышишь? Я не хотел! Ты сама! Зачем ты... зачем ты это сделала?..

Камера тряслась, картинка смазывалась в абстрактные пятна. Раздался звон стекла — бутылка упала на пол. Голос за кадром сорвался на всхлип.

— Я не убивал тебя... Это был несчастный случай. Ты сама. Я только... Господи, что я наделал?..

Запись оборвалась. Экран снова стал синим. Наступила тишина, которая была страшнее любого крика.

Егор Андреевич сидел на корточках перед погасшим экраном, не в силах пошевелиться. Он смотрел на свое отражение в темном стекле монитора и не узнавал себя. В этой квартире он прожил два года. И он ничего не помнил. Абсолютно ничего. Ни этого убийства, ни этой женщины, ни этой ночи. В его памяти был чистый, выжженный участок, который он всегда считал просто последствием переутомления, стресса и нервного срыва, из-за которого он и ушел из органов. Но видеозапись утверждала обратное. Видеозапись утверждала, что он — убийца, чей разум предпочел забыть о совершенном грехе.

И единственным свидетелем этого греха была немая девочка, которая каким-то непостижимым образом указала ему путь к его собственной казни.

В коридоре послышался шорох. Сквозняк? Или кто-то еще был в этой пустой квартире? Егор Андреевич резко обернулся. Темнота коридора, ведущего к выходу, казалась осязаемой, живой. Она дышала. Оттуда, из этой тьмы, на него смотрели. Он чувствовал этот взгляд кожей — тяжелый, немигающий, оценивающий.

«Девочка знает. Девочка помнит. Девочка молчит».

Но теперь молчание было нарушено. И кто-то должен за это ответить.

Дождь за окном усилился, превратившись в ливень. По-

токи воды заливали стекло, искажая свет уличного фонаря, который пробивался сквозь голые ветви деревьев. Квартира наполнилась гулками, барабанными звуками. А вместе с ними в душе Егора Андреевича просыпалось то, что он так долго и старательно в себе глушил — инстинкт охотника, загнанного в угол. Или жертвы, внезапно осознавшей, что все это время она играла роль в чужом спектакле.

Ему нужно было найти Алису. Но прежде — понять, кто стоит за этой чудовищной инсценировкой. Или он сам? Кто тот человек, что запер дверь изнутри и оставил кассету? И самое главное: что именно он должен вспомнить такого, чего, по утверждению записки, «не было»?

Он медленно поднялся на ноги. От долгого сидения на корточках колени затекли и предательски дрожали. В висках стучала кровь. Егор Андреевич выключил плеер и вытащил кассету. Вещественное доказательство. Он спрятал ее во внутренний карман пиджака. Холодный пластик обжег грудь. Он последний раз оглядел комнату. Теперь она не казалась ему пустой. Она была полна призраками, которых он призвал сам, нажав на кнопку.

Он вышел из квартиры, тщательно запер дверь на ключ и положил его обратно под коврик. Следы заметить было бессмысленно — тот, кто это устроил, и так знал каждый его шаг. Но инерция профессионализма взяла свое. Спускаясь по темной лестнице, он достал телефон. Ему нужен был адрес Алисы. Он был у него в рабочей карточке, которую он

предусмотрительно сфотографировал перед выходом, словно предчувствуя, что сегодняшний день так просто не закончится.

Тихая Речка, Сосновая, старый дом. Но кто бы мог подумать, что именно тут, на перекрестке его прошлого и настоящего, начнет раскручиваться этот клубок? Егор Андреевич сел в машину, завел двигатель. Дворники мерно замахали, сметая воду. Он не знал, что скажет матери Алисы. Но он должен увидеть девочку. Должен заглянуть в ее бездонные серые глаза и спросить без слов: «Откуда ты знаешь? И что еще ты видела?».

Выезжая из сонного поселка на мокрую трассу, ведущую обратно в Москву, он чувствовал, как пространство вариантов сужается до тоннеля. Вся его прошлая жизнь была лишь прелюдией к этому моменту. И теперь, сжимая в кармане кассету с записью преступления, которого он не помнил, и координатами, полученными от молчаливого ангела-свидетеля, он направлялся прямо в сердце бури. Первая глава его поисков была окончена. Начиналась вторая, и он не имел ни малейшего представления, куда она его приведет.

Глава 2. Вода и пепел

Дорога обратно в Москву превратилась в изматывающую пытку. Трасса, подсвеченная желтыми огнями фар встречаемых машин, казалась бесконечной лентой, уходящей в никуда. Дождь то стихал до противной мороси, то вновь обрушивался на крышу автомобиля с утроенной силой, словно сама природа задалась целью смыть с лица земли следы Егора Травина. Но он знал — следы остались. Глубокие, кровавые борозды на пленке, которой он не помнил.

Кассета жгла грудь даже через ткань пиджака и нательной рубашки. Она казалась инородным предметом, имплантированным в его реальность. Егор машинально крутил руль, перестраиваясь в плотном потоке, но мысли его были далеко. Они кружили над телом в ванной, над пьяным, срывающимся голосом, который он отказывался признавать своим. «Я не убивал тебя... Это был несчастный случай». Фраза пульсировала в висках, вызывая тошноту. Какой несчастный случай? Кто эта женщина? И почему он, Егор Андреевич Травин, человек с феноменальной памятью на лица и детали, не помнит ни единого эпизода, связанного с этим преступлением? Белый лист. Чистый, стерильный, выжженный кусок прошлого.

Он попытался воссоздать хронологию тех лет. Два года работы в уголовном розыске Тихой Речки. Скудная, рутин-

ная служба после перевода из областного центра. Причины перевода — конфликт с начальством, несогласие с методами ведения одного резонансного дела, в котором он был уверен, но которое спустили на тормозах. Он сам попросился в тихое место. Тихая Речка стала его ссылкой, добровольным зачислением. Он снимал эту квартиру на Сосновой, пил по вечерам, проматывая скудное жалованье, и считал дни до возвращения в большой город.

Чем закончился тот период? Нервным срывом. Так ему сказали врачи. Острая реакция на стресс, амнезия, деперсонализация. Он не помнил последние несколько недель перед госпитализацией. Проснулся в больничной палате с чувством полного опустошения, зная только свое имя и чувствуя безграничную, всепоглощающую вину. Вину без адресата. Он перебрался в Москву, заново учился жить, заново учил себя говорить с людьми. Логопедия стала его спасением — помогая другим обрести речь, он словно заново собирал себя по кусочкам. И вот, теперь прошлое настигло его. Не просто настигло — оно говорило устами ребенка.

Где-то на тридцатом километре он съехал на обочину. Руки дрожали так, что он едва мог сжимать руль. Егор опустил стекло, впуская в салон влажный, пропитанный озоном воздух. Вода из лужи под колесами чавкнула. Он достал из кармана старую деревянную фигурку — талисман, подобранный много лет назад. Человечек с подвижными руками и ногами. Пальцы привычно нащупали микроскопические шарни-

ры. Где он его нашел? Этот вопрос, как ни странно, вдруг всплыл в памяти. Он нашел его на месте преступления. Давно, еще до Тихой Речки, когда работал в области. Убийство. Женщина. Ее маленькая дочь сидела в соседней комнате, забившись в угол, и молчала. Просто смотрела в стену. Девочку потом отправили в детский дом. А фигурка осталась у него. Он забрал ее, нарушив все протоколы, потому что она показалась ему... важной. Живой. И вот теперь его пациентка, немая девочка Алиса, тоже молчит. Слишком много совпадений для одного дня.

Он отбросил фигурку на пассажирское сиденье и завел мотор. Нужно было ехать. Пункт назначения — не его московская квартира, а адрес, записанный в рабочем планшете. Адрес Алисы.

Дом, где жила Алиса с матерью, находился в спальном районе Москвы, в лабиринте панельных многоэтажек и старых лип. Егор Андреевич припарковался у нужного подъезда и заглушил двигатель. Дождь здесь шел с той же унылой методичностью. Часы на приборной панели показывали начало двенадцатого. Поздно. Неприлично поздно для визита. Но выбора не было. Тишина и бездействие сейчас казались ему опаснее любой неловкости.

Он поднялся на седьмой этаж. Лифт не работал, и каждый шаг по заплечанной лестнице отдавался тупой болью в висках. Квартира семьдесят восемь. Обшарпанная металлическая дверь с глазком, который изнутри был заклеен бумаж-

кой. Егор надавил на кнопку звонка. Мелодичная трель разорвала тишину подъезда, показавшись ему оглушительной. За дверью послышались шаркающие шаги, щелкнул замок.

Дверь приоткрылась на длину цепочки. В щели показалось бледное, изможденное лицо Вероники Павловны. При тусклом свете лестничной лампочки ее глаза казались двумя черными провалами.

— Егор Андреевич? — ее голос дрогнул от удивления и мгновенно вспыхнувшей тревоги. — Что случилось? С Алисой что-то не так?

— Нет-нет, с Алисой все в порядке, — он постарался придать лицу самое безмятежное выражение, на которое только был способен. — Простите за столь поздний визит. Я понимаю, это выглядит странно. Можно мне войти? На пару минут. Это касается нашего сеанса. Я обнаружил кое-что... важное в ее карточках. Возможно, прорыв.

Последнее слово было манипуляцией. Он знал, что мать ухватится за любой намек на «прорыв». Так и случилось. Цепочка звякнула, дверь распахнулась. Вероника Павловна стояла в мятом домашнем халате, кутаясь в него, словно в защитный кокон. В прихожей пахло валерьянкой, старой мебелью и чем-то неуловимо затхлым — запахом болезни, запертого горя.

— Проходите, — она посторонилась. — Алиса спит. Я дала ей снотворное, врач прописал. Она в последнее время почти не спит, всё с карточками своими сидит.

Квартира была маленькая, двухкомнатная, но ухоженная. Чистенькие обои, аккуратно расставленные салфеточки, фарфоровые статуэтки на полке серванта. Мир вещей, за которым хозяйка тщательно следила, в отличие от своего внутреннего мира. Егор прошел в гостиную, куда указала Вероника Павловна. Он не сел, оставшись стоять у окна, за которым струились потоки воды. Ему нужно было видеть все пространство, контролировать его, как когда-то на допросах.

— Что за прорыв? — с надеждой спросила Вероника Павловна, присаживаясь на краешек стула. Она не сводила с него глаз.

— Скажите, — начал Егор, игнорируя вопрос, — вы давно живете в этой квартире?

Женщина моргнула, не ожидая такого поворота.

— Давно. Лет пять уже. А почему вы спрашиваете?

— А до этого? Где вы жили раньше? — он старался говорить мягко, но от его тона веяло холодом профессионала, который он больше не мог скрывать. — Это важно для понимания контекста. Алиса сегодня на сеансе выстроила последовательность образов, которые могут быть связаны с местом.

Вероника Павловна заметно напряглась. Ее пальцы сжали край халата.

— Раньше... мы жили в области. Снимали домик. Это было недолго, всего около года. А до этого — в Москве. Почему это важно?

— В области? — сердце Егора забилося быстрее. — Не в Тихой Речке?

Повисла пауза. Женщина смотрела на него расширенными от изумления глазами. В них плескался не просто страх, а животный ужас узнавания.

— Откуда... откуда вы знаете? — прошептала она.

— Я не знал, — честно ответил Егор. — Но теперь знаю. Расскажите мне о Тихой Речке.

Вероника Павловна поднялась, подошла к серванту и дрожащими руками поправила и без того ровно стоящую статуэтку балерины. Она явно собиралась с мыслями, решая, сколько можно рассказать этому человеку, который вдруг вторгся в их жизнь посреди ночи с вопросами о самом страшном периоде.

— Мы переехали туда после развода, — заговорила она глухо, не оборачиваясь. — Я хотела начать все с чистого листа. Сняла половину дома на окраине, рядом с лесом. Думала, воздух, природа... Алисе там понравилось. Сначала. Она всегда была тихим ребенком, но там она расцвела. Начала рисовать, бегала в лес, к речке. А потом...

— Что потом? — подтолкнул Егор, чувствуя, как холод сковывает внутренности.

— Потом случилось это. То, о чем я не могу говорить без слез, — она всхлипнула, но сдержалась. — Алиса пропала на два дня. Мы с ног сбились, вся полиция на ушах стояла. Ее искали с собаками, с вертолетом. Нашли в лесу, в забро-

шенном блиндаже времен войны. Она сидела в углу, грязная, в рваной одежде и молчала. С тех пор молчит. Врачи сказали — острый психогенный мутизм. Травма. Но что именно произошло в том блиндаже, она не рассказала. И никогда не расскажет.

Егор слушал, и кусочки пазла начали сходиться, образуя чудовищную картину.

— Когда это случилось? — спросил он, заранее зная ответ.

— Два года назад. В октябре. В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое число. Шел такой же дождь, — Вероника Павловна наконец обернулась. По ее щекам текли слезы. — Почему вы спрашиваете? Какое это имеет отношение к карточкам?

Два года назад. Октябрь. Время его нервного срыва. Время, которое стерто из его памяти. И место — Тихая Речка. Та же гребаная Тихая Речка. Алиса пропала без вести и нашлась немой именно тогда, когда он, предположительно, совершил убийство и утратил рассудок. Они были там одновременно. Два полюса одной трагедии.

Он не мог ответить матери. Правда была слишком чудовищна, чтобы облекать ее в слова здесь и сейчас. Вместо этого Егор спросил:

— Можно мне увидеть ее? Просто взглянуть. Я не разбужу.

Вероника Павловна колебалась, но в его голосе прозвуч-

чало нечто такое, чему она не смогла противиться — смесь мольбы и несокрушимой воли. Она кивнула и провела его в конец коридора, к двери в детскую.

Егор Андреевич осторожно приоткрыл дверь. В комнате царил полумрак, единственным источником света был ночник в форме месяца на стене. Алиса спала, свернувшись калачиком под одеялом, ее пепельные волосы разметались по подушке. На полу, вокруг кровати, были разложены карточки. Сотни карточек. Они покрывали почти весь пол, выложенные в сложную, спиралевидную структуру. Словно ведьмин круг. Словно оборонительное сооружение.

Он шагнул внутрь, стараясь не наступить на бумажные прямоугольники. Его взгляд скользил по символам. Среди них он увидел не только стандартные «пить», «есть», «мама», но и символы, которые он не вводил в их общий набор. Откуда они у нее? Карточка с изображением старого телевизора. Карточка с нарисованным от руки глазом в треугольнике. Карточка с цифрами «15.10». Дата. И еще одна, которую он поднял с пола, чувствуя, как земля уходит из-под ног. На ней было коряво, явно детской рукой, но очень старательно выведено слово: «СВИДЕТЕЛЬ».

Вероника Павловна стояла в дверях, кусая губы.

— Она постоянно рисует эти карточки, — прошептала она. — Я запретила ей брать в руки карандаши, но она прячет их под подушкой и рисует по ночам. Новые и новые. Я думала, это часть терапии.

Егор ничего не ответил. Он смотрел на спящую девочку. В ее позе не было покоя, она была напряжена, как сжатая пружина. Даже во сне она не могла расслабиться. Ее лицо, лишенное дневной маски отрешенности, сейчас казалось лицом маленькой старушки, познавшей нечто запредельное. Он наклонился ближе. И тут произошло то, от чего он едва не вскрикнул.

Алиса открыла глаза. Резко, без перехода от сна к бодрствованию. Серые глаза уставились прямо в его лицо, в самую душу. В них не было испуга, не было удивления. Только холодное, оценивающее внимание. Она словно ждала его. Ее рука скользнула под подушку и вытащила еще одну карточку, которую она, видимо, сжимала в кулаке во сне. Она протянула ее Егору. Ее движение было плавным, завораживающим, как у сомнамбулы.

Он взял карточку. На ней была нарисована черная ворона с распростертыми крыльями. В клюве она держала что-то маленькое, блестящее. Ключ. Или монету? И надпись внизу, сделанная печатными буквами: «ВОРОН ХРАНИТ».

— Что это, Алиса? — спросил он тихо, почти беззвучно. — Что ты хочешь мне сказать?

Девочка не ответила. Она закрыла глаза и отвернулась к стене, давая понять, что разговор окончен. Она передала сообщение. Ее роль на сегодня выполнена.

Егор выпрямился. В голове шумело. «Ворон хранит». Ворон. Хранит. Что за бред? Или очередная подсказка, веду-

щая его в лабиринт прошлого? Он посмотрел на Веронику Павловну, которая была бледна как полотно и, кажется, не заметила короткого обмена карточками. Она была слишком погружена в свое отчаяние.

— Я пойду, — сказал он, выходя в коридор. — Спасибо, что впустили. Я свяжусь с вами завтра.

— Но вы ничего не сказали о прорыве! — воскликнула она ему вслед.

— Прорыв есть, — бросил он через плечо, уже открывая входную дверь. — Просто пока я не знаю, куда он нас приведет.

Он почти бегом спустился по лестнице и выскочил на улицу. Ночной воздух после спертой атмосферы квартиры показался ему ледяным. Дождь немного утих, превратившись в липкую взвесь. Егор подошел к своей машине, припаркованной у тротуара, и тут краем глаза уловил движение. В старом, приземистом «Фольксвагене» серого цвета, стоявшем через три машины от него, сидел человек. Он не читал газету, не разговаривал по телефону. Он просто сидел, глядя прямо перед собой. Глядя на Егора.

Инстинкт бывшего оперативника сработал мгновенно. Егор не стал прятаться или делать вид, что не заметил. Он резко развернулся и направился прямо к серому автомобилю. Его шаг был быстрым и решительным. Он хотел увидеть лицо того, кто играет с ним в эти игры. Но не успел он пройти и половины расстояния, как фары «Фольксвагена» вспыхну-

ли, взревел двигатель, и машина, взвизгнув шинами по мокрому асфальту, рванула с места и скрылась за поворотом. Номеров Егор разглядеть не успел — они были наглухо заляпаны грязью. Совпадение? В его положении он больше не верил в совпадения.

Кто это был? Сообщник? Кукловод? Или кто-то, кто так же, как и он, ищет ответы, но боится обнаружить себя? Вопросы множились, ответы тонули в тумане.

Егор сел в машину и заблокировал двери. Ему нужно было в безопасное место. Нужно было подумать. Московская квартира теперь не казалась ему убежищем. Тот, кто оставил кассету в Тихой Речке, знает о нем все. Адрес, историю, слабости. И этот некто явно связан с Алисой. Девочка — ключ. Она свидетель. Свидетель чего? Того, что случилось в лесу, в блиндаже? Или она видела его в ту ночь? Видела, как он... нет, об этом даже думать было невыносимо.

Он выехал со двора и направился в сторону центра. Но вместо того, чтобы поехать домой, он свернул на Садовое кольцо и поехал в сторону бывшего здания Управления, где когда-то работал. Он ни за что не пошел бы туда официально, но рядом с управлением была круглосуточная рюмочная, где любили коротать время после дежурств его бывшие коллеги. Ему нужен был доступ к старой базе данных, к архивам. Ему нужно было узнать, что случилось в Тихой Речке в октябре двухлетней давности. Было ли убийство? Нашли ли тело? И главное — кем была та женщина, чью руку он видел

на экране?

Рюмочная «У Степаныча», притулившаяся в подвальчике старого кирпичного дома, встретила его знакомым запахом табака, дешевого алкоголя и жареных гренок. За стойкой скучал сам Степаныч — грузный мужик с седыми усами, который знал Егора еще с тех пор. Увидев вошедшего, он удивленно крякнул.

— Травин! Сколько лет, сколько зим! Говорили, ты в ученые подался, детишек лечишь?

— Было дело, Степаныч, — Егор облокотился о стойку, стряхивая капли дождя с плаща. — Налей-ка мне сто грамм. Коньяку, если есть приличный.

— Для тебя найдем, — Степаныч плеснул в пузатый бокал янтарной жидкости. Егор выпил залпом, чувствуя, как обжигающее тепло растекается по пищеводу, но не прогоняет ледяной ком в груди.

— Кто из наших сегодня здесь? — спросил он, ставя бокал на стойку.

— Да вон, в углу, Михалыч сидит. Совсем плохой стал, на пенсию вышел, так теперь тут и пропадает.

Егор кивнул и направился вглубь прокуренного зала. За угловым столиком, над кружкой пива, сгорбившись, сидел старый опер Павел Михайлович Громов, его бывший наставник еще по областному управлению. Лицо Громова, изрезанное глубокими морщинами, было багровым от выпитого, но глаза, хоть и слезились, смотрели цепко.

— Здорово, Михалыч, — Егор сел напротив.

— Ба! Травин! — Громов отставил кружку. — Какими судьбами? Ты ж зарекся в наши края заходить.

— Жизнь заставила, — Егор пододвинул к себе пепельницу, хотя сам не курил, просто нужно было чем-то занять руки. — Слушай, Михалыч, ты ведь в курсе всех старых дел, которые остались в архиве. Помнишь Тихую Речку? Октябрь, два года назад. Что-нибудь серьезное там было?

Громов нахмурился, его кустистые брови сошлись на переносице. Он тяжело задышал, вспоминая.

— Тихая Речка... Это ж твоя епархия была. Погоди... Два года назад. Осень. Да, было дело. Ты ж тогда чуть кукухой не поехал, Егор. У тебя нервный срыв случился. Ты ж пропал на двое суток, тебя всем отделом искали. А потом нашли у тебя на квартире. Ты в невменяемом состоянии был, ничего не соображал. Тебя в психушку и сдали.

— Это я помню, — сквозь зубы процедил Егор. — Что еще? Убийства, пропажи людей? Женщина была?

Михалыч отпил пива, вытер усы тыльной стороной ладони.

— Женщина... Дай бог памяти. Да, была одна. Заявление поступало от соседей. Квартирантка, снимала угол у бабки какой-то. Исчезла бесследно. Дело тогда не завели, спустили на тормозах, потому что бабка та старая совсем была, путалась в показаниях. То ли съехала девка, то ли убили... Не помню точно. Почему ты спрашиваешь? Егор, на тебе лица

нет.

— А имя? Имя той женщины помнишь?

Громов наморщил лоб, покопался в закромах памяти.

— Не то Зоя, не то Зина... Точно! Зинаида. Зинаида Сорокина. Точно тебе говорю. Она в местной больнице санитаркой работала. Приезжая. Тихая, незаметная. А что, есть подвижки?

Зинаида Сорокина. Имя ни о чем ему не говорило. Пустой звук. Но в этом пустом звуке теперь была заключена вся его жизнь. Он должен найти все, что можно, об этой женщине.

— Спасибо, Михалыч, — Егор встал. — Ты мне очень помог.

— Да погоди ты! — Громов схватил его за рукав. — Ты в какую-то игру ввязался, Травин? Глаза у тебя шальные. Не лез бы ты в это. Тихая Речка — место дурное. Я всегда говорил. Уходи оттуда, пока цел.

— Поздно, Михалыч, — Егор высвободил руку. — Я уже в игре.

Он вышел из рюмочной в промозглую ночь. В голове крутилось новое имя. Зинаида Сорокина. Санитарка. Тихая, незаметная женщина, которая снимала угол. И которая, если верить видеозаписи, была убита в его квартире. Или не в его? Может, он только нашел тело? Или это инсценировка, снятая профессиональным режиссером? Но голос... голос был его. Егор точно это знал.

Он сел в машину и достал телефон. Открыл поиск. Вбил

имя. Интернет, в отличие от подвыпившего пенсионера, не знал никакой Зинаиды Сорокиной из Тихой Речки. Либо она была настолько незаметной, что не оставила цифрового следа, либо данные были кем-то тщательно подчищены.

Тогда он вспомнил про карточку в кармане. «ВОРОН ХРАНИТ». Он достал ее и стал рассматривать. Ворона. Хранит. И вдруг его осенило. Ворон — не просто птица. Это название. «Ворон» — так назывался тот самый заброшенный блиндаж, где нашли Алису два года назад. Он вспомнил обрывки разговоров в отделении. Местные мальчишки часто туда лазили, и место имело дурную славу. Если Алиса пряталась там двое суток, она могла видеть что-то, что происходило снаружи. Или внутри. Что-то, что связало ее травму с его преступлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.